

Ребрина Л. Н. Репрезентация коллективного прошлого в германских и российских СМИ / Л. Н. Ребрина, Н. Л. Шамне // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 157—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-157-168.

Rebrina, L. N., Shamne, N. L. (2017). Representation of Collective Past in German and Russian Media. *Nauchnyy dialog*, 11: 157-168. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-157-168. (In Russ.).

УДК 811.112.2'42:070

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-157-168

Репрезентация коллективного прошлого в германских и российских СМИ¹

© **Ребрина Лариса Николаевна (2017)**, orcid.org/0000-0003-0512-980X, SPIN-code 3971-1615, ResearcherID G-6420-2015, Scopus Author ID 56241972800, доктор филологических наук, профессор, кафедра немецкой и романской филологии, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия), LNrebrina@volsu.ru.

© **Шамне Николай Леонидович (2017)**, orcid.org/0000-0002-5745-8907, SPIN-code 8921-6595, ResearcherID S-8228-2016, Scopus Author ID 56241492800, доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия), nikolay.shamne@volsu.ru.

Излагаются результаты сопоставительного анализа закономерностей репрезентации коллективной памяти при формировании образа прошлого в СМИ Германии и России. Коллективная память интерпретируется авторами статьи в рамках теории социальной коммуникации как дискурсивный конструкт, функционирующий в социальном хронотопе, как совокупность действий социума по символической реконструкции прошлого в настоящем. Описываемое смысловое взаимодействие характеризуется субъект-объектным отношением отправителя и получателя сообщения, манипулятивностью, «упаковкой» смысла в содержание до коммуникативного акта, воздействием на когнитивную и аксиологическую сферы адресата. На русско- и немецкоязычном материале анализируются аргументационные и композиционные тактики реализации стратегий позитивной, негативной репрезентации прошлого и тактики деактуализации фрагментов прошлого в СМИ. Определяются общие и национально специфические черты реактуализации и реинтерпретации коллективной памяти в двух лингвокультурах. Авторы приходят к выводу о том, что

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 15-04-00068 «Функционально-семантический потенциал глагольных коллокаций памяти при формировании образа прошлого в российских и германских СМИ».

в целом дискурсивные практики в российских СМИ отличают стремление адресанта к эмоциональному вовлечению адресата, активная апелляция к индивидуальному опыту адресанта, высокая релевантность идентификации и ориентация на предполагаемую противоположную позицию получателя сообщения.

Ключевые слова: образ прошлого; коллективная память; репрезентация; стратегии; тактики; СМИ.

1. Вводные замечания

Современная культура в условиях бурного развития информационных и коммуникационных технологий характеризуется ростом документированной памяти, подвергаемой постоянной реактуализации и реинтерпретации общественной коммуникационной системой, что предполагает акцентирование и переоценку одних событий и забвение других, создание отвечающей актуальным потребностям социума и общественных сил картины прошлого и превращает память в мозаику конкурирующих и кооперирующих смыслов. Неослабевающее внимание СМИ к давнему и недавнему прошлому, постоянно появляющиеся новые «места памяти» указывают на политически ориентированный рост публичности коллективной памяти.

Память является объектом множества внутри- и междисциплинарных исследований. Лингвистика, с учетом ее социальной, коммуникативной природы и связи с языком семиотическими механизмами, способна также внести свой вклад в изучение данного феномена. В статье излагаются результаты сопоставительного исследования дискурсивных стратегий манифестации коллективной памяти с целью формирования определенного образа прошлого в российских и германских СМИ.

2. Методика исследования

Коллективная память интерпретируется нами в рамках теории социальной коммуникации как движение социальных смыслов в социальном времени [Соколов, 2002], поскольку она формируется в результате действий социума по современной реконструкции прошлого [Кемеров, 1998], то есть существует как дискурсивный конструкт в социальном хронотопе, выполняющий реверсивную, интерпретативную, селективную функции, и предполагает определенные стратегии ее формирования и пространственно-временной трансляции [Кемеров, 1998; Ребрина, 2016а, 2016б; Gugushvili et al., 2017; McQuaid, 2017; Nyseth et al., 2017; Robinson, 2017; Space of memory ... , 2014; Wylegala, 2017]. Феномен коллективной памяти активно исследовался немецкой историографией, Франкфуртской школой, французской социологической школой, историками еврейского народа, американскими социологами и философами.

Институализированное функционирование коллективной памяти направлено на формирование ценностного отношения к прошлому или, напротив, на противодействие возникновению нравственной рефлексии относительно отдельных фрагментов прошлого, что может иметь разные цели: поддержание национальной идентичности, власти, существующего порядка, воссоздание определенной картины настоящего, консолидация общества, традирование ценностей. При этом адресантом реализуются определенные коммуникативные действия, а именно «управление», то есть такое смысловое взаимодействие, которое базируется на субъект-объектном отношении отправителя и получателя сообщения, апелляции к психологической или логической сферам последнего, на «упаковке» смысла в содержание до коммуникативного акта и инициации присвоения данного смысла адресатом как собственного [Дацок, 2008; Соколов, 2002]. Воздействие направлено прежде всего на уменьшение критичности восприятия при разделении предъявляемой оценки прошлого или на десенсибилизацию адресата по отношению к фрагментам прошлого [Хасуева, 2011].

Материалом исследования являются публикации СМИ России и Германии (корпусы DWDS, университета г. Лидс [DWDS; LEEDS]), содержащие предъявление определенного образа прошлого (позитивного / негативного / нейтрализованного), реализацию соответствующих трех стратегий посредством релевантного набора тактик.

Учитывая принципы и механизмы убеждения и внушения, адресант может использовать тактики фактической, логической аргументации и тактики психологической аргументации [Демьянков, 1982; Хазагеро, 2002]. Композиция сообщения учитывает механизмы восприятия, внимания, что предусматривает возможности разной организации информационной структуры сообщения, создание с помощью композиционных тактик особых маркированных в соответствии с теорией выдвижения позиций в тексте, нацеленных на акцентирование определенных смыслов [Хазагеро, 2002].

3. Результаты

Выполненный анализ стратегий и тактик реактуализации и реинтерпретации фрагментов коллективной памяти при формировании образа прошлого в СМИ России и Германии и сопоставление полученных результатов позволили сделать следующие выводы.

В СМИ Германии наиболее часто реализуется стратегия негативной презентации прошлого (приблизительно 44 %), что связано с установкой адресанта на формирование позитивной картины настоящего, поддержку

существующего порядка или извлечение уроков из ошибок прошлого. Отчуждающая, нейтрализующая презентация прошлого и представление его положительного образа характеризуются одинаковой частотностью, что свидетельствует о равной значимости установок на формирование позитивной национальной идентичности / оппозицию по отношению к существующему порядку и нивелирование конкурирующих образов прошлого. В СМИ России адресант одинаково часто прибегает к воссозданию и трансляции массовому адресату отрицательной и положительной картины прошлого (приблизительно 42 % и 39 %) и гораздо реже — к деактуализации прошлого (приблизительно 19 %). То есть оценки прошлого преимущественно амбивалентны. Преобладающие, одинаково релевантные установки — поддержание обеспечения консолидации нации и поддержание власти.

В обеих лингвокультурах стратегии позитивной и негативной презентации фрагментов прошлого в СМИ базируются на общих мыслительных и психологических механизмах и актуализируются схожим репертуаром противоположно направленных тактик. При этом адресант отдает предпочтение психологической аргументации, что сопрягается с природой манипулятивного воздействия.

Аргументирование негативной презентации прошлого в германских СМИ опирается, прежде всего, на апелляцию к отрицательным образам и стереотипам, этическим доводам. Наиболее продуктивные композиционные средства для инициации разделения отрицательной оценки — насыщенное акцентирование, контрастирующее обрамление, обман читательских ожиданий. При формировании положительного образа предьявляемый смысл содержит утверждение ценности прошлого, широко используются этнические аргументы, идентификация с адресатом, противопоставления, насыщенное акцентирование и градация. Предьявление нейтрализованного образа прошлого ориентировано на дистанцирование массового адресата, его отвлечение от нравственной рефлексии и эмоциональных переживаний по поводу определенных фрагментов прошлого, смещение коммуникативного фокуса с объектов коллективной памяти. Деактуализация реализуется в СМИ Германии большей частью посредством переноса акцента с события на его коммеморацию, что не предполагает интериоризацию со стороны адресата, связывает в его сознании событие с неким искусственным заместителем, опосредует его восприятие, сам доступ к фрагменту коллективного прошлого. Адресант регулярно для указанной цели прибегает к морализующей интерпретации и обобщающей иллюстративной теоретизации; наименее релевантна из-за формируемой фаталистической позиции тактика дереализующей анонимизации, в рамках которой прошлое, история пред-

ставляются как нечто обезличенное, должное, довлеющее, неконтролируемое, не имеющее причин (рок, судьба, случай).

Аргументирование при воссоздании негативного образа прошлого в русскоязычных СМИ чаще всего базируется на апелляции к отрицательному коллективному или индивидуальному опыту адресата и идентификации с адресатом (что, возможно, обуславливается присущим данной культуре коллективизмом). Адресант исходит из ожидаемой обратной позиции адресата. Предъявление положительного образа прошлого реализуется прежде всего в форме обращения к этическим доводам, утверждения ценности прошлого, с помощью широкой концепции адресанта и адресата, то есть идентификации. При формировании ценностного отношения к прошлому в российских СМИ композиционная структура преимущественно выстраивается на противодействии инерции восприятия; наиболее частотные композиционные тактики — нарушение ожидания получателя сообщения, контрастирующее обрамление, обратная аргументация и рекуррентное аргументирование. Значимыми, реализуемыми средствами композиции установками, таким образом, являются: дублирование воздействия на адресата (оценка прошлого и настоящего и их противопоставление), формирование доверия к адресанту. Деактуализирующая презентация прошлого осуществляется чаще всего посредством морализующей интерпретации и метаисторической рефлексии.

Проиллюстрируем примерами отдельные, наиболее частотные тактики негативной, позитивной, деактуализирующей презентации коллективного прошлого в анализируемых дискурсивных практиках Германии и России.

При реализации стратегии позитивной презентации прошлого при интерпретации реактуализируемых фрагментов коллективной памяти наиболее регулярно и в германских, и в российских СМИ используется одинаковый набор аргументационных тактик (утверждение ценности прошлого, идентификация, апелляция к этическим доводам). Рассмотрим пример **тактики идентификации**, характеризующейся высокой релевантностью в рамках данной стратегии в русско- и немецкоязычных СМИ. Аргументация в рамках данной тактики предполагает особый способ предъявления доводов, а именно — как свойственных не только адресанту, но и группе / всем представителям данного социума, то есть определенному / широкому кругу адресатов. Позиции продуцента и получателя сообщения отождествляются. Тип адресата может уточняться конкретизаторами, адресату может приписываться статус авторитета. Мнение адресанта представляется как распространенное, разделяемое многими, адресат приглашается в свидетели, соотносится с говорящим, что способствует

формированию доверия и сокращению дистанции между ними. В соответствии с изначальной установкой адресат составляет вместе с адресантом группу «своих». В сообщении используются инклюзивные местоимения, неопределенно-личные, некоторые отрицательные и указательные местоимения, безличные конструкции, модальные глаголы, лексические единицы, обозначающие объекты, процессы и явления психической сферы. Эта тактика предполагает обращение к знакам интеграции (с семантикой совместности, причастности).

В приводимом примере тактика идентификации реализуется для инициации разделения позитивной оценки фрагмента прошлого (победы над немецко-фашистскими войсками под Москвой), для отождествления позиции адресанта и массового адресата (*Мы прекрасно понимаем ... , Мы будем помнить их, гордиться ...*), поддержания позитивной национальной идентичности и консолидации (знаки интеграции — *Мы победили, ... были сильнее духом, героизма нашего народа, будет вдохновлять наш народ, во имя нашей любимой родины*): *«Мы прекрасно понимаем, что ни так называемый “генерал Зима”, ни русское бездорожье не были основными причинами поражения», — заявил он на торжественных мероприятиях посвященных 63-й годовщине контрнаступательной операции под Москвой. «Мы победили, так как были сильнее духом, за счет героизма нашего народа. Мы победили за счет тех людей, которых сегодня зовем ветеранами. Мы будем помнить их, гордиться, это будет вдохновлять наш народ во имя нашей любимой России», — сказал президент [LEEDS]. Идентификации способствуют инклюзивное мы как ассоциативное, как идеологема единения, и лексическая единица с семантически компонентом совместности наши.*

Рассмотрим еще одну аргументативную тактику, высокорелевантную как при негативной, так и при позитивной презентации прошлого в СМИ обеих стран. **Тактика апелляции к этническим этическим доводам** предполагает обращение к историческому коллективному опыту и общим нравственным принципам, разделяемым всеми представителями этноса, посредством соотнесения оцениваемых фрагментов прошлого с общими духовными ценностями и нравственными нормами. Целью тактики является инициация разделения адресатом этической позиции адресанта. Характерным для реализации данной тактики является употребление абстрактных существительных (называют объекты и явления аксиологической сферы) и лексических единиц с оценочной семантикой. В приводимом ниже контексте адресант апеллирует к целому ряду ценностей (свобода, независимость, справедливость, самостоятельность, традиции), однозначно задающим спектр формируемой оценки фрагмен-

та прошлого. **Описываемая тактика сочетается с тактикой** описания положительных последствий (см.: *Он дал тогда нашей Родине будущее): Наша страна находится в преддверии юбилея Великой Победы. Она досталась нам огромной ценой. Ценой огромных, неисчислимых жертв. Солдат Великой Отечественной по праву называют солдатами Свободы. Они принесли миру избавление от человеконенавистнической идеологии и тираннии. Отстояли суверенитет страны, защитили ее независимость. Мы всегда будем помнить об этом. Наш народ сражался против рабства, сражался за право жить на своей земле, за право говорить на родном языке, иметь свою государственность, культуру и традиции. Он сражался за справедливость и свободу. Он отстоял свое право на самостоятельное развитие. Он дал тогда нашей Родине будущее [LEEDS].*

Для СМИ России при формировании ценностного отношения к прошлому частотным является обращение к групповому / индивидуальному опыту адресата. Данная тактика подразумевает апелляцию к эмоциональной памяти индивида или группы, выстраивание сообщения в форме повествования свидетеля / участника событий от первого лица. Содержанием повествования при этом становятся знакомые всем и каждому в отдельности ситуации, переживания, что способствует разделению предъявляемого мнения и оценки массовым адресатом. Релевантными языковыми средствами являются лексемы с положительной семантикой, лексические единицы, называющие явления, объекты, процессы психической сферы человека: *Я тугодум — меня волнуют не только мои собственные проблемы, но и то, что происходит, извините за высокопарность, с народом, страной. И за все это сердце болит. А что касается моего отношения к прошлому, то я исхожу из своего конкретного жизненного опыта. На одной чаше весов — безотцовщина, страдания близких и все, связанное с этим, а на другой — великолепное образование, социальные гарантии, общественный статус ... И, наконец, возможность писать то и так, как я все-таки считал нужным [LEEDS].*

Композиционной тактикой, активно используемой как при негативной, так и при позитивной презентации прошлого, как в русско-, так и в немецкоязычных СМИ, является **тактика контрастирующего контекстуального обрамления.** В рамках данной тактики образ прошлого противопоставляется образу настоящего или более позднего / раннего прошлого. Релевантными языковыми средствами являются оценочные единицы разных полюсов оценочной шкалы. Вместе с содержанием «сегодня / в другой период прошлого — не так как раньше, сегодня / в другой период прошлого — хорошо / плохо» предъявляется и транслиру-

ется и упакованный в нем смысл «раньше было плохо / хорошо». При этом воздействие дублируется, поскольку ценностное отношение формируется не только посредством квалицирования одного образа, но и посредством его противопоставления другому образу. В приводимом далее контексте продуцент представляет позитивную картину настоящего, подводящую адресата к негативному суждению о мрачном прошлом страны: *Fünfzig Jahre nach Kriegsende der große Schlußstrich unter einer grausigen Vergangenheit, Deutschland wieder eins und versöhnt mit allen ehemaligen Gegnern in Ost und West* [DWDS: Zeit] — *Журная черта под ужасным прошлым спустя пятьдесят лет после окончания войны, Германия снова единая и примирившаяся со всеми бывшими противниками на Востоке и Западе* (перевод наш. — Л. Р.).

Приведем пример использования **тактики морализующей интерпретации**, высокорелевантной для деактуализирующей презентации фрагментов коллективного прошлого в СМИ двух стран, в рамках которой значение конкретного прошлого события нивелируется посредством интерпретации прошлого как урока, предостережения, источника опыта, исторического знания. Такой способ предъявления объектов коллективной памяти сочетается с обращением к разделяемым этносом этическим нормам, принципам, наставлениям. Таким образом, отдельные, конкретные события теряют свою индивидуальность, остроту, яркость, сводятся к обучающей функции. При реализации данной тактики адресант использует лексические единицы, обозначающие объекты и процессы памяти, интеллектуальную деятельность, хрононимы.

Например, в следующем контексте объектом реактуализации являются события 25 апреля 1943 года в Италии (Бенито Муссолини покинул Милан, движение вооруженного сопротивления ознаменовало начало новой эпохи в истории страны), которые интерпретируются адресантом как напоминание о необходимости борьбы за свои идеалы, о ценности демократии и свободы: *Wir sehen die Gefahr, daß die Rechte bewußt die historische Bedeutung des 25. April für die demokratische Wiedergeburt der Demokratie in Italien vergessen machen will», so sagten es konföderierte Gewerkschaften und Partisanenverbände. Eine Massenkundgebung in Mailand soll Italien wieder daran erinnern, daß Demokratie und Freiheit nicht vom Himmel fielen, sondern mit der Waffe in der Hand erkämpft wurden. Und zwar auch gegen diejenigen, deren politische Enkel sich heute anschicken, nach 49 Jahren wieder Regierungsämter in Rom zu übernehmen* [DWDS: BZ] — *«Мы осознаем опасность того, что правые сознательно хотят вытеснить из памяти историческое значение 25 апреля для возрождения демократии в Италии», — считают объединенные профсою-*

зы и общества партизан. Массовый митинг в Милане должен снова напомнить Италии о том, демократия и свобода не упали с неба, а были завоеваны с оружием в руках. Отвоены у тех, чьи «политические внуки» сегодня, спустя 49 лет, намереваются занять правительственные посты в Риме.

4. Выводы

Результаты выполненного исследования свидетельствуют о наличии сходных закономерностей дискурсивной реализации коллективной памяти, нацеленной на предъявление массовому адресату определенной картины прошлого, которая должна стать основой предлагаемого той или иной общественной силой социального порядка.

Выявленные общие закономерности обуславливаются общими принципами мышления и психологическими механизмами. В анализируемых дискурсивных практиках прослеживаются тенденции как к формированию ценностного отношения к прошлому, так и к деактуализации фрагментов прошлого; амбивалентность инициируемых оценок; превалирование психологической аргументации и, соответственно, такой формы воздействия, как внушение; манипулятивный характер коммуникативных действий адресанта; использование разнообразных композиционных средств при преобладании схемы выдвижения, направленной на игру с восприятием; схожий набор разнонаправленных аргументационных тактик при позитивной и негативной презентации прошлого в СМИ двух стран; манифестация интерпретативного и интенционального характера коллективной памяти. Амбивалентность оценок обуславливается условиями и установками актуальной ретроспекции. Адресанты в обеих лингвокультурах при организации информационной структуры сообщения регулярно используют контраст как эффективное композиционное средство. При этом при реактуализации и реинтерпретации содержания коллективной памяти в СМИ Германии преобладает установка на формирование негативной картины прошлого, что отражает стремление официальной политики памяти к переработке негативного опыта, созданию позитивного образа настоящего нации.

Соответствующие дискурсивные практики СМИ России характеризуются одинаковой релевантностью установок на формирование негативной и позитивной картин прошлого, меньшей значимостью деактуализации прошлого, что может быть обусловлено такой чертой русского менталитета, как двоемыслие, — оно порождает одномоментное сосуществование нескольких подходов к оценке значимых явлений и событий.

В целом дискурсивные практики в российских СМИ отличают стремление адресанта к эмоциональному вовлечению адресата, активная апел-

лция к индивидуальному опыту адресанта, высокая релевантность идентификации и ориентация на предполагаемую противоположную позицию получателя сообщения.

Источники и принятые сокращения

1. DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.dwds.de>.
2. LEEDS — *Русскоязычный газетный корпус университета г. Лидс* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>.
3. BZ — *Berliner Zeitung* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.berliner-zeitung.de/home>.
4. Zeit — *Die Zeit* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.zeit.de/index>.

Литература

1. Дацюк С. Коммуникативные стратегии [Электронный ресурс] / С. Дацюк. — 2008. — Режим доступа : http://xyz.org.ua/discussion/communicative_strategy.html.
2. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения : интерпретирующий подход к аргументации / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1982. — Т. 41, Выпуск 4. — С. 327—337.
3. Кемеров В. Память коллективная / В. Кемеров // *Философская энциклопедия*. — Москва ; Минск : Панпринт. — 1998.
4. Ребрина Л. Н. Закономерности диспозиции при формировании положительного образа прошлого в СМИ Германии / Л. Н. Ребрина // *Научный диалог*. — 2016(a). — № 3 (51). — С. 105—116.
5. Ребрина Л. Н. Тактическая организация внушения при формировании позитивного ценностного отношения к прошлому в германских СМИ / Л. Н. Ребрина // *Современные исследования социальных проблем*. — 2016(б). — № 2. — С. 140—155.
6. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. — Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 461 с.
7. Хазагеров Г. Политическая риторика / Г. Хазагеров. — Москва : Никколо-Медиа, 2002. — 320 с.
8. Хасуева М. Х. Модель политической коммуникации и роль феномена суггестии в этой модели / М. Х. Хасуева // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. — 2011. — № 3. — С. 176—181.
9. Gugushvili A. Collective memory and reputational politics of national heroes and villains / A. Gugushvili, P. Kabachnik, A. Kirvalidze // *Nationalities Papers*. — 2017. — Volume 45. — Issue 3. — P. 1—21.
10. McQuaid S. D. Parading Memory and Re-member-ing Conflict : Collective Memory in Transition in Northern Ireland / S. D. McQuaid // *International Journal of Politics, Culture and Society*. — 2017. — 30 (1). — P. 23—41.
11. Nyseth B. H. Narrating Genocide : Time, Memory, and Blame / B. H. Nyseth, N. Fox // *Sociological Forum*. — 2017. — 32 (1). — P. 116—137.

12. *Robinson L. Collective memory : September 11th now and then / L. Robinson // Information Communication and Society. — 2017. — 20 (3). — P. 319—334.*

13. *Space of memory : interactional and semantic aspects / N. Shamne, L. Rebrina, A. Petrova, M. Milovanova, E. Eltanskaya // Journal of Language and Literature. — 2014. — Volume 5. — No. 4. — P. 147—154.*

14. *Wylegaia A. Managing the difficult past : Ukrainian collective memory and public debates on history / A. Wylegaia // Nationalities Papers. — 2017. — Volume 45. — Issue 5. — P. 1—18.*

Representation of Collective Past in German and Russian Media¹

© **Rebrina Larisa Nikolayevna (2017)**, orcid.org/0000-0003-0512-980X, SPIN-code 3971-1615, ResearcherID G-6420-2015, Scopus Author ID 56241972800, Doctor of Philology, professor, Department of German and Roman Philology, Volgograd State University (Volgograd, Russia), LNrebrina@volsu.ru.

© **Shamne Nikolay Leonidovich (2017)**, orcid.org/0000-0002-5745-8907, SPIN-code 8921-6595, ResearcherID S-8228-2016, Scopus Author ID 56241492800, Doctor of Philology, professor, director of Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University (Volgograd, Russia), nikolay.shamne@volsu.ru.

The results of the comparative analysis of the patterns of representation of collective memory in forming the image of the past in German and Russian media are presented. Collective memory is interpreted by the authors in the framework of the theory of social communication as a discursive construct, functioning in the social chronotopos as the set of actions of a society for symbolic reconstruction of the past in the present. The described semantic interaction is characterized by the subject-object relations between the sender and the receiver of the message, manipulative nature, "packaging" of meaning in the content before a communicative act, impact on cognitive and axiological sphere of the addressee. On the Russian and German-language material the argumentation and compositional tactics of implementation of the strategies for positive and negative representations of the past and the tactics of deactualization of fragments of the past in the media are analyzed. General and national-specific features of reactualization and reinterpretation of collective memory in two linguistic cultures are defined. The authors come to the conclusion that the overall discursive practices in Russian media are distinguished by the desire of the sender to the emotional involvement of the recipient, an active appeal to the individual experience of the sender, the high relevance of the identification and orientation on the implied opposite position of the message recipient.

Key words: image of the past; collective memory; representation; strategies; tactics; mass media.

¹ The study is financially supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 15-04-00068 "*Functional-semantic potential of the verbal collocations of memory while forming the image of the past in Russian and German media.*"

Material resources

- BZ — *Berliner Zeitung*. Available at: <http://www.berliner-zeitung.de/home>. (In Germ.).
- DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <http://www.dwds.de>. (In Germ.).
- LEEDS — *Russkoyazychnyy gazetnyy korpus universiteta g. Lids*. Available at: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>. (In Russ.).
- Zeit — *Die Zeit*. Available at: <http://www.zeit.de/index>. (In Germ.).

References

- Datsyuk, S. 2008. *Kommunikativnyye strategii*. Available a: http://xyz.org.ua/discussion/communicative_strategy.html. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. 1982. Konventsii, pravila i strategii obshcheniya: interpretiruyushchiy podkhod k argumentatsii. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 41/4: 327—337. (In Russ.).
- Gugushvili, A., Kabachnik, P., Kirvalidze, A. 2017. Collective memory and reputational politics of national heroes and villains. *Nationalities Papers*, 45/3: 1—21.
- Kemerov, V. 1998. Pamyat' kollektivnaya. In: *Filosofskaya entsiklopediya*. Moskva; Minsk: Panprint. (In Russ.).
- Khasueva, M. Kh. 2011. Model politicheskoy kommunikatsii i rol fenomena suggestii v etoy modeli. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 3: 176—181. (In Russ.).
- Khazagerov, G. 2002. *Politicheskaya ritorika*. Moskva: Nikkolo-Media. (In Russ.).
- McQuaid, S. D. 2017. Parading Memory and Re-member-ing Conflict: Collective Memory in Transition in Northern Ireland. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 30(1): 23—41.
- Nyseth, B. H., Fox, N. 2017. Narrating Genocide: Time, Memory and Blame. *Sociological Forum*, 32 (1): 116—137.
- Rebrina, L. N. 2016. Takticheskaya organizatsiya vnusheniya pri formirovanii pozitivnogo tseinnostnogo otnosheniya k proshlomu v germanskikh SMI. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem*, 2: 140—155. (In Russ.).
- Rebrina, L. N. 2016. Zakonomernosti dispozitsii pri formirovanii polozhitelnogo obraza proshlogo v SMI Germanii. *Nauchnyy dialog*, 3 (51): 105—116. (In Russ.).
- Robinson, L. 2017. Collective memory: September 11th now and then. *Information Communication and Society*, 20 (3): 319—334.
- Shamne, N., Rebrina, L., Petrova, A., Milovanova, M., Eltanskaya, E. 2014. Space of memory: interactional and semantic aspects. *Journal of Language and Literature*, 5/4: 147—154.
- Sokolov, A. V. 2002. *Obshchaya teoriya sotsialnoy kommunikatsii*. Sankt-Peterburg: Izdvo Mikhaylova V. A. (In Russ.).
- Wylegała, A. 2017. Managing the difficult past: Ukrainian collective memory and public debates on history. *Nationalities Papers*, 45/5: 1—18.